

Ивановичу не пытаться узнать о причастности матери к гибели отца. Государь научает его терпеть и стараться принимать свою мать такой, какой он ее любил, также распоряжается о его переводе в Петербург. В конце романа герой узнает, что его мать не была причастна к смерти отца.

Выводы. Изучив образ императора Павла можно заключить, что оба писателя изобразили его в исключительно положительном ключе, хотя местами и как сложного персонажа, несмотря на популярные в то время анекдоты про «сумасшедшего царя» и известные всем отношения современников к Государю. Наиболее полно этот персонаж был раскрыт в романе Вс. Соловьева «Вольтерьянец». И если у М. Н. Волконского он является второстепенным, то у Соловьева он занимает центральное место и заслоняет собой даже главного героя, Сергея Горбатова – так богато и живо его изобразил и глубоко понял Вс. С. Соловьев. И если император Павел и нуждался в реабилитации в глазах потомков, лучшей книги нельзя было бы и придумать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильева С. А. Творчество Вс. С. Соловьева и проблемы массовой литературы. Автореферат ... доктора филологических наук. Тверь, 2009.
2. Соловьев Вс. С. Хроника четырех поколений. В двух томах. Т. 1. Сергей Горбатов. Вольтерьянец / Сост. И вступ. ст. Т. Ф. Прокопова. – М.: Пресса, 1994.
3. Соловьев Вс. С. Хроника четырех поколений. В двух томах. Т. 2. Вольтерьянец. Старый дом / Сост. И вступ. ст. Т. Ф. Прокопова. – М.: Пресса, 1994
4. Волконский М. Н. Забытые хоромы, Мальтийская цепь, Гамлет XVIII века. Феникс – Ростов-на-Дону, 1993.

УДК 821.161.1

Рудомазина Т.Б.
(Тула, Россия)

ИСТОРИЯ О ВОЙНЕ КРЕЗА И КИРА КАК ПОВЕСТВОВАНИЕ О СМЕРТИ ПРАВИТЕЛЯ

Стаття присвячена дослідженню жанрово-стилістичної природи оповідання про Креза і Кіра з Літопису Георгія Монаха, слов'янського переведення Хроніки Георгія Амартола. В результаті композиційно-стилістичного дослідження оповідання про Креза і Кіра і зіставлення його з оригінальною староруською Оповіддю про убієнні Ярополка Святославича автор статті приходить до висновку про близькість оповідання з Літопису до жанрів оповіді і розповіді про княжу смерть із староруського літопису.

Ключові слова: жанр, розповідь, оповідь, хроніка, літопис, композиція

© Рудомазина Т.Б., 2011

Статья посвящена исследованию жанрово-стилистической природы повествования о Крезе и Кире из Временника Георгия Монаха, славянского перевода Хроники Георгия Амартола. В результате композиционно-стилистического исследования повествования о Крезе и Кире и сопоставления его с оригинальным древнерусским Сказанием о убиении Ярополка Святославича автор статьи приходит к выводу о близости повествования из Временника к жанрам сказания и рассказа о княжеской смерти из древнерусской летописи.

Ключевые слова: жанр, рассказ, сказание, хроника, летопись, композиция

The paper is devoted to analyzing the form and style of the story about Croesus and Cyrus from Vremennic by George Amartol. The author of the article comes to conclusion that this story belongs to a form of legend or tale of the prince's death as a result of the analysis of the poetics of the story about Croesus and Cyrus and as a result of the comparison of this text and the original old-Russian Legend about Jaropolck's murder:

Key words: form, tale, legend, chronicle, letopis, composition

Предметом исследования в данной статье стало повествование о вражде Креза и Кира, читающееся во Временнике Георгия Монаха. Жанровую принадлежность подобных повествований О.В. Творогов определяет как «легендарно-исторические рассказы» и соотносит их с «летописными рассказами» [1: 115–116]. Л.И. Щеголева, детально проанализировав византийский оригинал соответствующего повествования, доказала, что повествование о Кире и Крезе «содержит устойчивые признаки сюжетной организации» [2: 140]. Наша задача – представить соответствующий текст как сочинение о смерти злодея-язычника, выбравшего неправый путь. Мы попытаемся доказать близость этого повествования из переводного Временника таким древнерусским летописным жанрам, как сказание и рассказ о княжеской смерти. В частности, мы проведем сопоставительный анализ повествования о Кире и Крезе и летописного Сказания о убиении Ярополка Святославича.

Система персонажей повествования о Крезе и Кире организована антитетично и симметрично: пара врагов – Крез и Кир, пара «предсказателей» – пророк Даниил и жрец, вельможи Кира – послы Креза. В рассказе две сюжетные линии. Одна линия – история Креза, лидийского царя, выбравшего путь захватчика. Желая подчинить себе «окрестные грады... и дальних князья» [3: 124], он угрожает войной персидскому царю Киру. Повествователь указывает на причину, побудившую Креза развязать войну: Крез «разгордеся» [там же]. «На этой черте... Креза основана завязка и все действие» произведения [2: 80]. Завершает историю казненного Креза, образуя композиционное кольцо, мораль: «и себе и своя си погуби за мновою несътостью» [3: 126]. Таким образом, повествователь акцентирует, что алчность – тот порок, за который наказан Крез.

Крез спационален как захватчик: его действия и в начальной, и финальной, батальной, сценах связаны с его «перемещением», о чем мы скажем ниже. Зато статичен Крез в сцене с волхвом. Крез посылает своих людей к пифии, чтоб узнать, одержит ли он над Киrom победу. Диалога и вообще кого-либо контакта Креза с волхвом нет. Они не видят друг друга. Получить предсказание от пифии Крез может только через жреца: «Перейдя реку Галис, Крез великую державу разрушит» [там же: 125]. Так, идя по неправому пути, Крез заблуждается, растолковывая это двусмысленное предсказание. Перейдя реку Галис, он разрушил царство, но свое же.

Вторая сюжетная линия – история Кира. Он также совершает свой путь, но противоположный пути Креза. И этот путь оказывается верным. Однако находит Кир его не сразу. Крез угрожает Киру войной. И, устранившись («зело оустрашився» [там же: 124]), Кир решает бежать в Индийские страны. Глагол «бежати» [там же] – единственный глагол с семантикой перемещения, который характеризует Кира. И это перемещение *от* Креза. Из последующих событий рассказа мы узнаем, что это решение стало бы ошибкой. От ошибки Кира предостерегает жена, которая, по сути, выступает посредником между Киrom и пророком Даниилом: она направляет его за советом к Даниилу. Следование совету жены – это первый шаг на пути Кира к истине (кстати, жена Кира – единственный персонаж рассказа, не имеющий пары). Эта частная ситуация имеет библейский, а значит универсальный, прообраз: пятая глава Книги пророка Даниила рассказывает о царе Вальтасаре, о письменах на стене царского чертога, которые никто не мог разгадать, кроме Даниила. За советом к Даниилу Вальтасара направляет именно его жена (Дан.5:10–12). Все это, видимо, и позволяет повествователю сделать следующее обобщение сразу после диалога Кира с женой о Данииле: «в бедах жены поспешны соуть на моужьскыя съветы и къ богу прибегание искрнее прикасатися и скоро» [там же: 125].

Следующим шагом Кира на пути к истине станет прямое общение Кира с Даниилом, который *сам приходит* к царю и от которого царь узнает о библейской предопределенности своего пути: Даниил произносит Киру пророчество Исаяи (Ис.: 45.1, 13) о том, что Кир «крепость цареву... разрушит и ... людей пленных возвратит» [там же], т.е. отпустит сынов Израилевых из своей земли. Напомним, что Крез и пифия, так сказать, дистанцированы. Кроме того, получив предсказание от волхва, Крез не произносит ни единого слова. Иное в истории о Кире: во-первых, он «припаде на ногу Данилоу и поклонися емоу» [там же], а во-вторых, он произносит небольшой монолог: «Живъ Господь бог твой азъ испущу Израила от моя земля да слоужать богу своему въ Иерусалиме» [там же: 126]. Преклоненная фигура Кира, следующего Божьей воле и говорящего об этом, противопоставлена язычнику Крезу, которого своеволие и *алчность* побуждают к неправому действию. Этот контраст усиливается тем, что Даниил во Временные изображен нищим: пророк «въ нищете пребывает» [там же: 125]. (Мотива нищеты Даниила, между прочим, нет в византийском оригинале [2: 141].) Путь Кира, иными словами, – это путь к истине, который он выбрал, не поддавшись искушению гневом и страхом и не «бежав» в Индийские страны. Символичным, безусловно, является то, что Даниил прибывает к Киру именно из Индийской страны.

История «взаимоотношений» царей с «чудесным» – Крез и пифия, Кир и Даниил – представляют собой относительно самостоятельную историю, помещенную повествователем в композиционный в центр рассказа о войне между царями и ретардирующую повествование о войне. Непосредственно о войне посвящены рамочные компоненты рассказа, к анализу которых мы переходим.

Главный герой финальной батальной сцены – Кир. Эта сцена наполнена синонимичными или контекстно синонимичными глаголами и глагольными формами, характеризующими его действия в отношении Креза: «вооружився», «ополчися», «повеси», «отвел», «[смерти] преда» [3: 126] и т.д. И среди них только один глагол с семантикой перемещения: «изыде» [там же] и, видимо, в значении «идти войной»: «изыде и ополчися на

Креза». А вооружился Кир не только буквально, но и метафорически, праведным прочтением. Интересно, что Крез, в этой сцене выступающий объектом действий Кира, настойчиво продолжает «перемещаться», на что мы указывали в начальной части статьи. Крез – отрицательный герой рассказа. Его образ создается теми же средствами, которыми позже будут пользоваться древнерусские летописцы в разных типах повествований о княжеской смерти: отрицательные герои всегда спациональны, они буквально «перемещаются» в отличие от «статичных» положительных героев. Так, в постоянном движении Святополк Окаянный и его слуги, убийцы Игоря Ольговича и Андрея Боголюбского [4: 134–136]. Отрицательные герои вообще физически активны. (Во Временнике Георгия Монаха первые братоубийцы – Каин и Ромул – являются основателями первых городов). Вот и Крез как в начальной, так и в финальной сценах рассказа «изыде на Кира», «приде Алию», «съступивъ с Кюром» [3: 126] и пр.

Таким образом, при всей относительной физической статике Кир динамичен в мировоззренческом отношении: его первая психологическая реакция – вызванный ультиматумом Креза страх, который сменяется смирением перед Божьей волей и воинским воодушевлением. Физически динамичный Крез, напротив, остается душевно статичным, что артикулирует повествователь, замыкая повествование о Крезе в композиционное кольцо из упоминания о его грехах: гордыне и алчности. Метафорический путь Кира – это путь к истине. Метафорический путь Креза – это путь к заблуждению. Это воплощено в характере пророчеств – языческого и библейского, двусмысленного и однозначного.

О «русской тональности», которая пронизывает этот рассказ, пишет Л.И. Щеголева. Свободный характер перевода этой истории («В ХГА Крез покорил себе окрестные и дальние землевладения... Во Врем он покорил окрестные города и дальние княжества. Вставлено слово «город». В словосочетании «поборил окрестные города и дальние страны» проглядывается ситуация, напоминающая домонгольскую Русь: сильный удельный князь сначала покоряет окрестные города, затем идет войной на другие княжества» [2: 139]) свидетельствует о представлении древнерусским переводчиком византийской ситуации как «близкой и понятной» [там же]. Мы же хотим обратить внимание на существование в русской летописи повествования, близкого к рассказу о Кире и крезе по тематике и по структуре системы персонажей, на Сказание о убиении Ярополка Святославича.

Напомним, что система персонажей в переводном тексте такова: пара враждующих правителей, пара предсказателей и жена – советчица Кира. Вспомним древнерусское сказание о убиении Владимиром Ярополка Святославича (статья в Повести временных лет по 980 годом). В тексте две пары персонажей: двое враждующих князей, Владимир и Ярополк, и двое слуг Ярополка, Блуд и Варяжко. Слуги Ярополка представляют собой антитетичную пару: Блуд предаёт князя, вступая в сговор с Владимиром, Варяжко, напротив, пытается его спасти. Как и Крез, прислушавшийся к волхву и погибший, Владимир прислушивается к Блуду и убивает своего брата. Однако если Крезу повествователь выносит однозначную отрицательную оценку, то Владимир никакой оценки не получает: во-первых, главным героем повествования оказывается Блуд, а во-вторых, несмотря на обилие в тексте библейских цитат и аллюзий, создающих христианский контекст, и князя, и их слуги мыслятся вне христианской парадигмы, потому что еще не произошло крещения Руси. В переводном же тексте одним из действующих лиц выступает библейский

пророк. И вся история рассматривается в библейском смысле: противостояние истинного и ложного. А древнерусский текст изображает события в русской истории, не знающей Библии. Между тем, оригинальный и переводной тексты объединены попарным противостоянием героев. А кроме того, ролью греха, которым движимы герои-захватчики – Крез и Владимир. Крезом, как мы замечали выше, руководит гордыня. Владимиром – Блуд. Именно его, не князя, обвиняет повествователь в убийстве Ярополка. Не давая эксплицитных характеристик ни Владимиру, ни Ярополку, повествователь, между тем, характеризует Святополка, сына Владимира и его жены, бывшей жены Ярополка, эпитетом «злой». Приведем финальный фрагмент сказания: «Володимиръ же залеже жену братьню Грекиню и бе непраздна от нея же роди Святополка от греховнаго бо корени злыи плодь бываеть понеже была бе матери его чернецею Володимиръ залеже ю не по браку прелюбодечищъ бысть оубо темъ же и отецъ его не любяше бе бо от двою отцю от Ярополка и от Володимира» [5: 66]. Повествователь сам указывает причины, по которым «от греховнаго бо корени злыи плодь бываеть». Итак, мать Святополка была монахиней, а «Володимиръ залеже ю не по браку». Повествователь, называя Владимира «прелюбодечищъ», обвиняет его, еще язычника, *в распутстве, то есть в блуде*. Важно, что Святополк, «злой плод», станет убийцей Бориса и Глеба, первых русских святых, принявших смерть во имя Христа и подобно Ему: «Ситуация убийства становится отголоском и повторением библейских архетипов» [6: 123]. Таким образом, «русская история начинается с трагедии – и вместе с тем с испускительной жертвы» [7: 44].

Повествование о войне Креза и Кира, действительно, может рассматриваться как рассказ или сказание о смерти злодея-правителя. Образ Креза создается способами, которыми в древнерусской литературе создаются образы небагочестивых князей в соответствующих жанрах. Нам представляется, что предпочтительнее считать этот текст находящимся *между* жанрами сказания и рассказа, потому как система координат, в которой работает повествователь, – библейско-христианская, однако герои произведения христианства не знают. В оригинальной древнерусской литературе также встречаются произведения, жанровую природу которых однозначно определить нельзя. К таким текстам относится и рассмотренное у нас повествование о смерти Ярополка Святославича, занимающее положение между сказанием и рассказом. Создавая образы Ярополка, Владимира или слуг, повествователь обильно цитирует Библию, однако действие в повести происходит в дохристианской Руси. Между переводным повествованием о Крезе и оригинальным сказанием о Ярополке есть и структурные параллели. Во-первых, симметричными оказываются системы персонажей, образованные попарно противопоставленными героями. Во-вторых, ключевая сюжетная и структурная роль отведена категории «грех» (эта категория композиционно маркирована во Временнике и семантически акцентирована в летописи).

На первый взгляд, результаты противостояний героев из переводного и оригинального текстов противоположны: жертва сначала, Кир становится победителем в финале, духовное и военное поражение терпит инициатор конфликта. В истории о Ярополке и Владимире жертва вероломства своих слуги и брата погибает. Но, подобно тому как угроза Креза приводит Кира к библейским смыслам, провокация Блуда заложит основу для «библейской» истории Руси: следствием похода Владимира на брата стало рождение

Святополка Окаянного. А он убьет своих братьев Бориса и Глеба, в результате этого ставших первыми русским святыми, и начавших, таким образом, христианскую историю Руси с искупительной жертвы, подобно тому как искупительная жертва Христа открыла всеобщую историю христианства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Творогов О.В. Беллетристические элементы в переводном историческом повествовании XI–XIII вв. / Я.С. Лурье // Творогов О.В. Истоки русской беллетристики: возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. – Л., 1970. – С. 108–141.
2. Щеголева, Людмила Игоревна Сюжетный рассказ в хронике Георгия Амартола: проблемы соотношения с источниками, древнерусская рецепция : Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. – М., 2003. – 208 с.
3. Матвеевко В.А., Щеголева Л.И. Книги временные и образные Георгия Монаха : [в 2 т.] / В.А. Матвеевко, Л.И. Щеголева; отв. ред. М.Н. Громов. – М. : Наука, 2006. Т.1. Ч.1. Интерпретированный текст Троицкой рукописи. – 634 с.
4. Рудомазина Т.Б. Жанровая дифференциация летописных повествований о княжеской смерти : Монография / Т.Б. Рудомазина. – Тула, 2009. – 144 с.
5. Полное собрание русских летописей: [в 1 – т.]. / отв. ред. В.И. Буганов. Т.2. – М., 1998. – 648 с.
6. Ранчин А.М. «Дети дьявола»: убийцы страстотерпца / А.М. Ранчин // Ранчин А.М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. – М., 2007. – С. 121–127.
7. Успенский Б.А. Борис и Глеб: восприятие истории в Древней Руси / Б.А. Успенский. – М., 2000. – 128 с.

УДК 82-1/-9 Роулінг

Винник В.М.
(Тернопіль, Україна)

ЖАНРОВІ АСПЕКТИ РОМАНУ ДЖ. К. РОУЛІНГ «ГАРРІ ПОТТЕР»

Стаття становить спробу аналізу жанрових особливостей творів про «Гаррі Поттера» Дж. К. Роулінг. Окреслено характерні риси фентезі та чарівної казки, які є ключовими у проблемі визначення жанрових особливостей поттеріани.

Ключові слова: жанр, фентезі, чарівна казка, хронотоп, система персонажів, сюжет.

Статья представляет попытку анализа жанровых особенностей произведений о «Гарри Поттере» Дж. К. Роулинг. Намечены характерные черты фэнтези и волшебной